

И.А. Ким

**ЖЕНСКОЕ УЧАСТИЕ В ТЕРРОРИЗМЕ:
РЕЛИГИОЗНЫЙ ЖЕНСКИЙ ОПЫТ
ИЛИ ЖЕНСКАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ?**

Статья посвящена исследованию женского исламского терроризма в России. Для обоснования гендерной асимметрии в исламе автор использует методологию гендерных исследований. Выявляются причины вовлечения женщин в террористические акты. Подчеркивается, что гендерное неравенство в исламе становится одной из главных причин использования женщин в террористических актах.

Ислам в последние годы привлекает внимание мировой общественности в связи с общей международной обстановкой и, в частности, с распространением международного терроризма. О нем широко заговорили после трагических событий 11 сентября 2001 г., предваряя его определением «исламский».

Исследователи ислама отмечают, что «исламский экстремизм, активность которого еще недавно проявлялась лишь эпизодически и редко выходила за границы отдельных регионов мусульманского мира, превратился за последнее десятилетие в постоянный фактор политической жизни многих стран, включая западные, и с начала 90-х гг. оказывает заметное влияние на всю систему межгосударственных отношений. Он стал все громче заявлять о себе и в России. Исламские радикальные движения преследуют преимущественно политические цели. Но влияние их лидеров во многом определяется тем, что они называют себя выразителями истинного ислама и борцами за воплощение его идеалов в жизнь. Показательно, что в программных установках этих движений акцент делается на последовательном претворении шариата не только в собственно религиозных, но и в мирских делах» (Сюкияйнен 2003: 8). Экстремистские организации нередко совершают террористические акты с помощью самоубийц, уничтожающих находящихся рядом с ними ни в чем неповинных людей. Человек, совершивший подобный акт, объявляется мучеником веры (шахидом).

Однако такого рода заявления противоречат как классическим, ориентирующимся на узкое толкование хадисов и традиций «праведных предков» канонам ислама, так и модернизированным толкованиям ислама и шариата, делающим акцент на творческом усвоении их смысла и целей. Ученые-исламысты пытаются отстраниться от связи с сепаратистами. Они подчеркивают, что «эти дей-

ствия противоречат духу и основам законодательства (шариата) со всех точек зрения» (Шейх Ибн Усаймин 2006: 165–166). Кроме того, защитники классического ислама ссылаются на суры Корана, в которых говорится: «И Аллах преудостоинил и узаконил, что ни одна душа не может нести бремя (греха) другой души, это исходит из совершенства правосудия Аллаха, свободного от недостатков. Он сказал: "...не понесет носящая ношу другой"» (Коран 17:16).

Комментируя действия экстремистов, Шейх Ибн Усаймин пишет: «То, чего мы придерживаемся: что те люди, которые совершают самоподрыв, идут на незаконное и греховное самоубийство, и что это приводит в ад, от которого мы ищем убежища у Аллаха, и что этот человек — не шахид (мученик). Однако если человек сделал это, опираясь на неверное истолкование, думая, что это является дозволенным, тогда мы надеемся, что он будет спасен от греха, но что касается мученичества, приписываемого ему, то его — нет, так как он не следовал путем мученичества...» (Шейх Ибн Усаймин 2006: 165–166). Очевидно, что взвешенный подход к шариату не имеет ничего общего с учением и практикой исламских радикалов, не желающих вникать в подлинный смысл ни одного, ни другого подхода, и в предписаниях шариата обращающихся только к тем из них, которые отвечают их собственным намерениям. Террор с привлечением самоубийц используется ими как механизм быстрого и заметного достижения своих целей.

В России интерес общественности к исламу обусловлен не только волной терроризма в целом, но и, как было отмечено ведущим научным сотрудником Института США и Канады Е. Израелян, «новыми тенденциями и аспектами терроризма, которые пока что недостаточно обобщаются на теоретическом уровне». В частности, исследовательница обратила внимание на проблемы «женского терроризма», связанные с участием женщин в различных террористических актах. В этой связи, считает Е. Израелян, необходимы междисциплинарные, в том числе и гендерные, исследования психологических и социологических аспектов данного явления (Израелян 2006).

Для России «женский терроризм» — явление не новое. Достаточно вспомнить имена Веры Засулич, Веры Фигнер, Софьи Перовской, Фрумы Фрумкиной, Евсталии Рогоженковой, Марии Спиридоновой, Анастасии Биценко и некоторых других женщин, игравших роль непосредственных исполнительниц терактов. Но есть значительные различия женского терроризма XIX — нач. XX вв. и терроризма к. XX — нач. XXI вв. Во-первых, в дореволюционной России исторически террористическая деятельность была направлена против конкретных личностей (например, против царя Александра III или против градоначальника Трепова), а не против случайных людей. Во-вторых, географически она охватывала такие крупные города, как Петербург, Москва, Киев, и практически не затрагивала провинциальные города и окраины Российской империи. В послереволюционные годы само понятие «терроризм» практически исчезло из лексикона, и если не вдаваться в рассуждения о государственном терроризме в период революционных событий или сталинского режима, то о существовании террористических организаций советские граждане практически забыли. Попытки террористических актов в брежневскую эпоху жестко пресекались, и информация о них пода-

валась чрезвычайно скупой. Ситуация резко изменилась в конце 1990-х гг. Волна террористических актов прокатилась по всей России, захватывая отделенные регионы, и к их исполнению все чаще привлекаются женщины. Очагом терроризма становится Северный Кавказ, а точнее, те его регионы, где сильно влияние ваххабизма, одной из радикальнейших форм исламизма, отличающейся жесточайшей дискриминацией женщин.

Если же обратиться к Западной Европе, то доля женского терроризма в этих странах в XX веке существенно возросла (Мальшев 2006а). Исследования, сконцентрированные на изучении роли и места женщин в террористических организациях, позволяют сделать вывод об изменившемся характере их деятельности (см. напр.: Квирквелия 2003).

Во-первых, она эволюционирует от низовой роли в виде организации политической поддержки, создания тайников и конспиративных квартир, сбора пожертвований, ведения разведки, посредничества между представителями террористических структур до создания самостоятельных организаций.

Во-вторых, за последние десятилетия значительно возросло число женщин, принимающих активное участие в деятельности террористических структур на низовом уровне. Наиболее показателен пример перуанской марксистской организации «Светлый путь!», где женщины составляют примерно 20% от общего числа боевиков. Практически все зарубежные террористические организации используют женщин во время проведения боевых акций, отмечают сотрудники силовых ведомств (Викторов 2005). Особенно много их в таких структурах, как «Тигры освобождения Тамил Илама» (Шри Ланка), ЭТА (Испания), «Объединенный Фронт освобождения Ассама» (Индия), «Маоистская коммунистическая партия» (Непал), «Настоящая Ирландская революционная армия», «Революционные Вооруженные Силы Колумбии». Долгое время начальником штаба и фактически организационным руководителем и вдохновителем баскской сепаратистской группировки ЭТА («Родина и свобода басков») была женщина. Мексиканская левозэкстремистская организация EZLN, более известная как «Союз сепаратистов», долгое время управлялась Командорой Рамоной. Значительную роль в создании и деятельности действовавшей в ФРГ «Фракции Красной армии» (RAF) играли Ульрика Майнхофф и Гудрун Энслин. Более того, в RAF женщины были не только идеологами и лидерами, они составляли до 80% состава группы, которая рассматривалась как символ и эталон «левого терроризма» в Западной Европе.

В-третьих, несмотря на исторически широкое участие женщин во многих аспектах деятельности террористических организаций, длительное время она осуществлялась в виде обеспечения самого теракта. Однако на рубеже XX и XXI вв. ситуация значительно изменилась: террористические структуры стали все чаще задействовать женщин-самоубийц. Впервые стали использовать женщин в качестве «живых бомб» «Бригады мучеников Аль-Аксы» (Петрова 2006). Инициативу перехватили «Исламский джихад» и «Танзим». И, наконец, террористки «выступили» от имени ХАМАСа.

В. Мальшев полагает, что нарастание женского терроризма обусловлено подъемом феминистского движения, способствующего осознанию женщинами своей значимости и возможности самореализации в различных сферах деятель-

ности, в том числе и в терроризме (см.: Малышев 2006б). Однако такой подход можно поставить под сомнение, по крайней мере в его российском варианте. Как самостоятельное явление женский терроризм в России, к счастью, не сложился. Поэтому ссылка на феминизм, разбудивший женское самосознание и способствовавший женскому самоутверждению через «общественное» участие в террористических актах, в российской действительности теряет свой смысл. Скорее речь идет об умелом манипулировании сознанием и телом женщин, которых в традиционной культуре мужчины использовали в качестве механизмов по воспроизводству населения, а в настоящее время — в качестве живых машин по его уничтожению.

Анализ словаря российских средств массовой информации позволяет сделать такой вывод. Как отмечают исследователи, «в своих исходных посылах они (т.е. СМИ — *И. К.*), как правило, опираются на сложившиеся в обществе социальные иерархии, что помогает устанавливать отношения доверия с читателем в процессе коммуникации» (См. напр.: Романов, Щепланова, Ярская-Смирнова 2003: 18). Поэтому, с одной стороны, «женский терроризм» идет вразрез с представлениями о роли женщин в социуме как о «носительницах стабильности и защитницах мира». Речь идет о так называемом «врожденном их предназначении», которое сводится к рождению и воспитанию детей, заботе о муже и родственниках, жалости и любви к окружающим людям, отказе от собственных интересов. Такого рода жесткие стереотипы вызывают недоумение при любой попытке женщин выйти за рамки отведенных им ролей, а тем более, если их действия осуществляются по маскулинному типу, в том числе и связанному с насилием над личностью и убийствами. В связи с этим можно вспомнить, что в 1970-е гг. был опубликован ряд исследований, авторы которых утверждали, что для подавляющего большинства психически здоровых женщин невозможно сама мысль об убийстве невинных людей, в том числе детей, с помощью варварских террористических методов (Женское лицо террора). С этой точки зрения женский терроризм выглядит как аномалия, вызванная психическими отклонениями, с чем вряд ли можно согласиться, учитывая современный опыт «идеологического» западного терроризма и исторический опыт России.

Пожалуй, точкой отсчета нового витка женского терроризма в России можно считать акцию захвата заложников в Москве в 2002 г. во время спектакля «Норд Ост». Далее следует теракт в июле 2003 г. во время музыкального рок-фестиваля на аэродроме в Тушино, в июле же этого года — взрыв на 1-й Тверской-Ямской в Москве, в 2004 г. — взрывы двух самолетов Ту-154 и Ту-134, которые, по версии Генпрокуратуры, совершены шахидками (Петракова 2005), и, наконец, теракт на станции метро «Рижская» в Москве в августе 2004 г.

Исследователи и средства массовой информации, исследующие эти акты, оставляют без внимания социокультурные факторы, вовлекающие женщин в терроризм, а именно: экономические, материальные, религиозные и др. Следует отметить, что особенностью террористических актов с участием шахидок является то, что это женщины, исповедующие ислам. Обусловлено ли участие мусульманских женщин в террористических актах приверженностью исламу? Нам представляется актуальным рассмотреть причину вовлечения мусульманских

женщин в насильственные акты, отнимающих жизнь как у самих исполнительниц этих актов, так и у невинных людей, которые становятся жертвами терактов.

Ислам — одна из наиболее влиятельных религий, пронизывающая все сферы жизнедеятельности тех стран, основой которых она является. Ислам, впрочем, как и любая другая религия, способен навязывать обществу гендерную идеологию, формирующую представление о гендерных ролях как на уровне индивидуального, так и на уровне общественного сознания. Роль ислама в маргинализации и обесценивании женщин велика, причем дискриминационный характер отношения к женщинам осуществляется не только с помощью религиозных ритуалов, но и посредством создания базовых мифов, догм и концептуальных схем.

С точки зрения гендерных отношений ислам выражает традиционные патриархатные представления, которым свойственна дискриминация женского на фоне мужского. Женская дискриминация проявляется в следующих положениях ислама. Во-первых, женщине в догмате о сотворении мира предопределяется роль собственности мужчины, полученной им во владение от Аллаха. Во-вторых, основное предназначение женщины состоит в исполнении биологической задачи: приносить сексуальное наслаждение мужчине и воспроизводить потомство. В-третьих, признание женской природы как существа «недостаточного», эмоционального, нерационального, ограничивает возможности женщин частной сферой и исключает из общественной. В-четвертых, институт полигамии делает почти невозможной процедуру развода по инициативе женщины и наоборот, достаточно простой, если она затевается по инициативе мужчины. В-пятых, с помощью разнообразных форм контроля, начиная от предписаний в одежде и заканчивая нормами отношения к мужчине как к господину, женщине четко определяются границы дозволенного и недозволенного с позиций доминирующей мужской культуры. В-шестых, духовное равенство между мужчиной и женщиной возможно только перед Аллахом, а в практике ему нет места. В том числе, женщине отказано в исполнении религиозных обязанностей, исполняемых мужчиной. Например, ислам не позволяет женщине занимать должности служителя культа, она недостойна, как существо второстепенное, быть муфтием, ахундой, муллой и т.д. Эти должности предназначены только для мужчин. Можно согласиться с исследователями ислама в области семейно-брачных отношений Л.И. Шайдулиной и М.В. Вагабовым, отмечавшими дискриминационный характер ислама (См. напр.: Вагабов 1994; Шайдулина 1978).

Таким образом, мусульманской женщине предопределена домашняя сфера, а в круг ее обязанностей входит забота о доме, муже и детях. Но в настоящее время мы видим, что деятельность шахидки выходит из области предопределенных обязанностей и приобретает, условно говоря, характер социального действия. Возможно, данная ситуация является следствием того, что женщина, изначально воспитанная в духе покорности мужчине, готова к исполнению мужских указаний, вплоть до отказа от своей жизни и совершения убийств невинных людей. В этой связи религия играет чрезвычайно важную роль в запрещении или участии женщин в террористических действиях. В целом ортодоксальный ислам старается выразить свое негодование по поводу женского терроризма, но в ряде стран руководители экстремистских организаций издали специальные постановления, разрешающие женщинам участвовать в террористических ак-

тах. Например, духовный руководитель ХАМАСа шейх Ясин утверждал, вопреки своим предыдущим заявлениям, что скоро «придет решающий час битвы с неверными всего мира, и тогда в бой отправятся все — женщины, мужчины, старики, дети» (Петрова 2006). Но мы обращаем внимание на то обстоятельство, что здесь женщина только исполнительница идей экстремистских организаций, возглавляемых мужчинами, она только материал, пушечное мясо, кровавое средство, ведущее к достижению желаемой цели.

На фундамент такой покорности, с нашей точки зрения, накладываются разнообразнейшие мотивы, толкающие мусульманских женщин на совершение терактов. Среди таких мотивов исследователи выделяют, например, потерю близкого человека, мужа или брата. В таком случае вопрос о женском терроризме сводится к возможной манипуляции женским отчаянием, беспомощностью со стороны мужчин, стоящих во главе сети террористических организаций. Психологи следующим образом комментируют эту ситуацию: «Это, возможно, объясняется той социально-психологической ситуацией, в которой оказались террористки-смертницы. Получив сильнейшую эмоциональную травму после гибели человека, который был им дорог, женщины видят смысл оставшейся жизни только в отместии, тем самым становясь идеальным материалом для обработки идеологами ваххабизма» (Волынский-Басманов, Тюфякова 2006). Именно поэтому, по замечанию газеты «Коммерсантъ», в тактике террористов «используются женщины с поясами шахидов или же набитые взрывчаткой автомашины». Знак равенства, который ставят СМИ между машиной и женщиной, задействует, говоря словами Е. Здравомысловой и А. Темкиной, однозначно относимую к тому ли иному полу символику, которая определяет «диапазон возможных выборов и показывает, каковы шансы мужчин и женщин в управлении порядком» (Здравомыслова, Темкина 2001: 169).

С другой стороны, исследования 1990-х гг. впадают в противоположную крайность. Утверждается, что женщины в силу присущих им особенностей нервной деятельности (более высокая подвижность, эмоциональность, возбудимость и т.д.) быстрее мужчин становятся агрессивными, идея уничтожения овладевает и ими. Термины, которыми СМИ наделяют женщин-террористок, во многом ставят между женской и мужской мотивацией знак равенства. Женщинам, как и мужчинам, свойственны одинаковые мотивы участия в террористических актах: например, защита страны, родины, месть за близких и т.п. Отсюда и названия террористок, близкие по смыслу образам мужчин-террористов: «шахидки», «черные вдовы», «женщины-камикадзе» и др. Эксперт по терроризму У. Лакер пришел к выводу, что женщины — члены террористических структур, как правило, более мужественны, более преданны идеалам и целям организации и более фанатичны (Женское лицо террора 2006). Странники подобной точки зрения используют биологический подход и сравнивают социальное поведение с зоологической целесообразностью (см.: Викторов 2005). Женский терроризм сравнивается с поведением многих женских особей, добывающих пищу и убивающих своих жертв, или же рассматривается как «акция отчаявшихся женщин», потерявших веру во все и ненавидящих весь мир (Психология и социология терроризма 2006).

Но мы считаем, что неверно истолковывать природу «женского» терроризма природными, психолого-генетическими особенностями. В конечном итоге

подобный подход приводит лишь к еще большей дискриминации женщин и «необходимости» подавления ее «порочной природы». В изданной в Великобритании книге «Стреляй сначала в женщин» британская журналистка Айлин Макдональд утверждает, что название книги заимствовано ею из руководства Интерпола для антитеррористических спецслужб. Специалисты, по-видимому, считают женщин-террористок опаснее мужчин, потому, согласно международной практике, их надо уничтожать первыми.

Существует точка зрения, согласно которой участие женщин в террористических актах обусловлено стремлением к обретению собственной идентичности, когда, заплатив такую цену, женщина способна уравниваться с мужчиной в общественной сфере. Специалисты университета американского штата Нью-Йорк в своем исследовании «Межрегиональные тенденции женского терроризма» полагают, что во многих странах и регионах планеты именно невозможность участвовать в обычных формах политической деятельности толкает женщин к терроризму. Женщины невлиятельны, а их роль в жизни незаметна (Мальшев 2006а). Именно эта «незаметность» делает женщин особо привлекательными для террористов. Неприятие обычной модели женской судьбы указывает террористке путь к обретению смысла существования. Через собственную неудовлетворенность она стремится к новой идентичности. Стать членом организации значит преодолеть отчужденность, почувствовать себя частью «целого», покончить с разорванностью существования, перейти к «подлинной» жизни: «Ты оставляешь мать, идешь стрелять, но делаешь это, чтобы жизнь имела смысл... Таким образом, ты находишь материальное воплощение своему отказу» (Мальшев 2006б). Возможно, если следовать этой логике, для террористки этот вид самореализации и означает «переход в подлинную жизнь» — в сферу террористической деятельности.

Однако, на наш взгляд, в применении к исламскому миру такой подход не соответствует его догматам. Участие женщины-шахидки в террористическом акте не открывает ей дороги к обретению идентичности и самостоятельности. Действительно, некоторые женщины полагают, что совершение самоубийства — это и есть мученическая смерть за веру, которая способствует попаданию в рай, куда женщинам дорога ранее была недоступна. Возможно, это некая религиозная практика или религиозный женский опыт. Но на самом деле, во-первых, в традиционном исламе отношение к самоубийцам отрицательное, и, во-вторых, согласно исламу женщина имеет возможность войти в рай, не совершая героических поступков. Так, в Коране сказано «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете улажены» (Коран 43:70). Таким образом, вопрос о вхождении в райские долины решается и без террористического акта. Более интересна для нашего исследования вторая часть условия пребывания в раю: оно возможно только для женщины, покорной мужу или мужчине: «Любая покойная женщина, муж которой был ею доволен, войдет в рай» (Там же). Исполнение воли мужчины — это путь женского духовного совершенства, которое может сделать ее равной по добродетельности мужчине и открыть перспективы райской жизни. Мужчина оказывается не только целью женской жизни, но и средством к достижению совершенства.

Мы полагаем, что участие женщин в террористических актах в качестве шахидок обусловлено не стремлением обрести собственную идентичность, так

как нет смысла искать то, что имеешь в лице мужчины. Террористам очень выгодно использовать мусульманских женщин, воспитанных в атмосфере покорности и подчинения мужчине, в своих целях, а общество оказалось не готово к такому проявлению антигуманизма. Как отмечают П.В. Романов, В.В. Щербанова, Е.Р. Ярская-Смирнова, «вероятно, специфика нашего восприятия не позволяет нам понять, что если женщина стреляет и убивает, то это вовсе не особенность конкретной женщины, а логика войны» (Романов, Щербанова, Ярская-Смирнова 2003: 153). Рекрутирование женщин имеет особую функцию в условиях террористической войны. Именно потому, что от женщин не ожидается исполнение подобной роли, их используют в качестве живого оружия.

Очень важно отметить, что не всегда женщина готова к свершению теракта по собственной воле. Распространенным приемом террористов выступает применение различных психотропных материалов, следы которых, согласно данным экспертиз (Ульянов 2006), обнаруживались почти у всех смертниц, совершивших теракты в России. Именно тогда, когда рассудок потенциальной смертницы затуманен наркотиками, с ней и начинают вести разговоры о том, как хорошо и почетно взорвать «неверных» и прямой дорогой «пойти в рай».

Таким образом, при рассмотрении гендерного аспекта так называемого женского «исламского» терроризма обнаруживается андроцентристская парадигма исламской культуры, насквозь пропитанной идеями и ценностями мужской идеологии. Место же женского в такой культуре — это позиция соответствия заданным правилам мужской игры. Женщина в традиционном исламе, выполняя волю мужа, мужчины, ограничивается домашней сферой, а если работает, то род ее деятельности не противоречит ее биологической природе. Экстремистские же организации, пользуясь вековыми традициями ислама, подерживающими миф о предназначении женщин быть покорной мужчине, вовлекают женщин в террористические акты, но сводят женскую деятельность к роли кровавой жертвы, которую она должна принести ради истиной веры. Таким образом, шахидка — это пассивный расходный материал в руках экстремистских организаций, способствующий достижению определенных идеологических или все чаще материальных целей (см.: Ерохина 2006).

Литература

Вагабов М. В. Ислам. Женщина. Семья. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994.

Викторов В. Живые бомбы. Женский терроризм становится реальной угрозой // Военно-промышленный курьер от 19 октября 2005. // Доступно из URL <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-1191.html>.

Волынский-Басманов Ю., Тюфякова М. Социально-психологический портрет современного террориста // Доступно из URL: <http://daily.sec.ru/dailypblshow.cfm?rid=17&pid=13639> [Дата обращения 20.01.06].

Ерохина Л.Д. Два лика транснациональной организованной преступности: терроризм и торговля людьми // Доступно из URL: http://www.crime.vl.ru/docs/stats/stat_118.htm [Дата обращения 20.01.06].

Женское лицо террора // Доступно из URL: http://www.newst.ru/raznoe/terror/terror_women/index.khtml [Дата обращения 23.05.06].

Здравомыслова Е., Темкина А. Социальное конструирование гендера: феминистская

теория // Введение в гендерные исследования / Ред. Жеребкина И. Ч. I. Харьков-СПб.: «Алетейя», 2001.

Израелян Е. Выступление на Шестой экспертной встрече «Психология и социология терроризма». 17 апреля 2006. Доступно из URL: <http://www.ifpc.ru>.

Квирквелия О. // Независимая http://www.ng.ru/style/2003-08-08/12_blood.html.

Мальшев В. Вумен-терроризм: женщины-смертницы как политическое явление // Доступно из URL: <http://www.centrasia.ru/news>. 2006а.

Мальшев В.Г. Социально-психологические аспекты участия женщин-смертниц в террористической деятельности // Доступно из URL: http://www.iran.ru/rus/print_news.php?news_id=35588&PHPSESSID=ef91a3f02a1ffe8437b8c20430843452. 2006б.

Петракова И. Год без терактов // Газета.Ru. Доступно из URL: http://www.gazeta.ru/2005/08/23/oa_168271.shtml [Дата обращения 23.05.06].

Петрова И. Женский лик террора // Доступно из URL: <http://www.kompunet.com/News/view.php?nid=48851> [10.01.06].

Психология и социология терроризма» // Доступно из URL: <http://www.ifpc.ru/index.php?cat=26&doc=248> [Дата обращения 23.05.06].

Романов П.В., Щербланова В. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Женщины-террористки в интерпретативных моделях российских СМИ. Дискурс анализ газетных публикаций // Политические исследования. 2003. № 6.

Сюкияйнен Л. Война с терроризмом. Ислам против исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. 2003. № 2.

Ульянов Н. «Черная вдова» на Тверской оказалась слабым звеном // Доступно из URL: <http://terror.strana.ru/print/186475.html> [Дата обращения 1.01.06].

Шайдулина Л.И. Арабская женщина и современность. М.: Наука, 1978.

Шейх Ибн Усаймин. Комментарии к «Рийаду-с-Салихин» // Фетвы современных мусульманских ученых относительно актов террора. Т. 1. Доступно из URL: <http://www.aboutislam.ws/today/7.html> [дата обращения 10.01.06].